

ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 003.02

Е.А. АЛЕКСЕЕВ

Нижегородский государственный
гуманитарный университет

ЛЕТОПИСАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В ТРУДАХ Ю.А. ЛИМОНОВА

В статье исследуется изучение северо-восточного летописания Ю.А. Лимоновым. Анализируется его мнение по ряду дискуссионных вопросов: о времени появления первых летописных заметок и начале систематической летописной работы в «Залесском» крае; о хронологии создания сводов, их источниках и политической направленности; происхождении записей о подвигах Андрея Боголюбского на юге Руси; об атрибуции летописцев первых северо-восточных властителей.

Перу видного исследователя истории Владимиро-Суздальской Руси Ю.А. Лимонова принадлежит единственная монография о летописании этого княжества.

В целях реконструкции летописной традиции "Залесского" края он использовал Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Ермолинскую, Типографскую и Львовскую летописи, а также Тверской сборник, проложную статью 1 августа 1164 г., "Сказание о чудесах владимирской иконы Божией матери" и Киево-Печерский патерик.¹

На взгляд Ю.А. Лимонова, систематическое летописание в Ростово-Суздальской земле началось при Юрии Долгоруком. Известия, посвященные этому князю, содержат статьи за 1120-1157 гг. Сведения о деятельности младшего Мономашича до конца 40-х гг. XII в. кратки, отрывочны и, как полагает историк, восходят к разным источникам. В оценке Ю.А. Лимонова летописные заметки о событиях 1150-х гг. значительно отличаются от предыдущих: об этих событиях сказано несколько раз подряд, причем та-

кой параллелизм отчетливо просматривается на протяжении всего повествования. Подобное дублирование известий исследователь объяснил тем, что в распоряжении составителя Ипатьевского свода были летописцы Изяслава Мстиславича, Святослава Ольговича и Владимира Галицкого, участвовавших в борьбе за Киев в конце 40-х - 50-х гг. XII в.

Ю.А. Лимонов высказал гипотезу о существовании летописца Юрия Долгорукого. Рассказ о походе суздальских войск на юг, читающийся в Лаврентьевской летописи (далее - ЛЛ) под 1149 г., по определению исследователя, является "самостоятельным памятником". Ю.А. Лимонов уверенно заключал, что фрагменты этого рассказа не принадлежат ни к черниговскому, ни к галицкому летописанию, так как находятся в составе ЛЛ. Их также нельзя отнести к летописцу Изяслава, где находим самостоятельное сообщение о походе Юрия. На это же указывает и тенденциозность свидетельств: Изяслав представлен жестоким и коварным правителем, нарушившим

принцип наследования княжеских столов; изложение событий сконцентрировано вокруг Юрия, который выступает главным героем повествования.² Сочувственное отношение к "Гюрги", точность в описании событий, связанных с его деятельностью, и позволили Ю.А. Лимонову сделать вывод о существовании летописца князя, прославившего Долгоруким.

Политическая направленность этого памятника заключается в стремлении доказать, что борьба за Киев являлась защитой прав Юрия на владение "Русской землей". Известия летописца, как отмечал Ю.А. Лимонов, крайне тенденциозны: князь - справедливый государь, талантливый полководец, ловкий дипломат. Возвеличивание Юрия Долгорукого и его деяний оказывается лейтмотивом произведения.³

Автором последнего, по допущению Ю.А. Лимонова, являлся представитель военно-дружинной среды, близкой к окружению князя. На это указывает почти полное отсутствие религиозных отступлений в тексте, изображение событий, которые могли быть известны лишь приближенным Юрия, особенно четкое и подробное описание битв, наконец, точное изложение политики суздальского правителя в "Русской земле".⁴

Серединой XII в. датирует Ю.А. Лимонов возникновение другого памятника - личного летописца Андрея Юрьевича. При определении его состава историк обращается к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, содержащим наиболее полные и ранние тексты XII в.

Летописные заметки о деятельности Андрея Боголюбского до начала его правления на северо-востоке Руси вкраплены в рассказ, посвященный борьбе за киевский "стол" в 40-50-е гг. XII в. В 1149 г. после победы отца над Изяславом Мстиславичем Андрей получил в управление Вышгород. Упоминание об этом, по убеждению Ю.А. Лимонова, принадлежит киевской летописи, отредактированной в 1155-1157 гг.

В изложении последующих событий обстоятельно говорится о подвигах Андрея под Муравицей и Луцком. Старший сын Юрия Долгорукого является главным героем всего повествования. Именно он остался в лагере после ночного бегства основного отряда, он созвал утром военный совет и решил двигаться с войском к Дубне. Описание боя под Луцком также целиком посвящено подвигам князя. Летописец, - указывает исследователь, - тщательно отмечает все действия Андрея, который якобы лишь с двумя "детскими" напал на многочисленных врагов и, проявив храбрость, заслужил похвалу отца и дяди.

"Характерной чертой отрывка является ярко выраженной тенденциозность", - заключал Ю.А. Лимонов. На его взгляд, в первом же эпизоде храбрости князя противопоставляется трусости воеводы Жирослава и старшего брата Андрея Ростислава.⁵

С точки зрения Ю.А. Лимонова, рассматриваемое повествование не лишено художественных достоинств, оно очень красочно, подчас даже патетично при описании подвигов князя. В этом, на взгляд исследователя, заключается главное отличие указанного отрывка от фрагментов летописца Юрия Долгорукого.

Рассказу, прославляющему военные доблести Андрея, предшествует сообщение о выступлении войск его отца к Луцку. Из фрагмента, следующего за рассказом об Андрее, мы узнаем об осаде киевским князем Луцка. Оба эти отрывка, как полагал Ю.А. Лимонов, относятся к летописцу Юрия Долгорукого и образуют единое повествование, а значит, описание подвигов Андрея является вставкой.⁶ Какова же его принадлежность? По

мысли Ю.А. Лимонова, наличие этого отрывка в ЛЛ полностью исключает возможность его галицкого или черниговского происхождения. Нельзя отнести его и к летописцу Изяслава Мстиславича, ведь книжник волынского князя не мог восхвалять ратную доблесть противника. Ю.А. Лимонов пришел к выводу, что рассказ о подвигах Андрея Боголюбского восходит к его собственному летописцу.

В летописной статье за 1149 г. изложены взгляды Андрея Юрьевича на войну с Изяславом. Оказывается, князь, прозванный Боголюбским, не одобрял жесткой политики отца, который хотел окончательно уничтожить своего противника. Ю.А. Лимонов нашел тенденциозным изображение князя-миротворца. К тому же, как утверждал историк, отрывок выделяется из общего текста повествования, что свидетельствует о его принадлежности летописцу Андрею Юрьевичу. Этот князь выступает главным действующим лицом и в нескольких эпизодах статьи, приуроченной к 1150 г. Так, князь проявляет недюжинные способности как строитель и организатор обороны западнорусских городов, искусный дипломат. Соответствующие известия, оказывается, также взяты из летописца Андрея.⁷

Этот памятник является, по определению Ю.А. Лимонова, "типичным княжеским летописцем периода феодальной раздробленности". Его основная тенденция заключается в изображении Андрея скромным и мужественным рыцарем, опытным и решительным полководцем. Летописец всячески подчеркивает самостоятельность политических взглядов князя.

Ю.А. Лимонов предпринял попытку определить автора памятника. Ученый отмечал, что летописцу свойственна исключительная точность при описании деталей в тех эпизодах, в которых участвует сам Андрей. Например, в рассказе о бое под Луцком приведены мельчайшие подробности его схватки с врагами: указано место свершения подвига (на дамбе под стенами города), перечислены противники князя (копейщики, немец-наемник), последовательно изложены действия самого Андрея. С точки зрения Ю.А. Лимонова, очевидцев подвига, кроме основного героя, не было: как сказано в летописи, "дружине же не вудещим его", а из двух "детских", сопровождавших князя, один погиб. Едва ли второй "детский" во время ожесточенного боя, участником которого являлся, мог подметить все детали. Следовательно, - рассудил Ю.А. Лимонов, - автором данных фрагментов летописи мог быть сам Андрей Боголюбский.⁸

Анализируя Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, Ю.А. Лимонов заключил, что помимо Ростовского сборника и Летописца Андрея Боголюбского, северо-восточная летописная традиция использовала записи владимирского происхождения, а также ряд "южных" известий. Последние, на взгляд ученого, представляют значительный интерес. С точки зрения Ю.А. Лимонова, реконструкцию владимиро-суздальского летописания следует начинать с анализа именно этих сведений.

Киевская великокняжеская летопись на протяжении XII в. неоднократно подвергалась редактированию, что, по убеждению Ю.А. Лимонова, необходимо учитывать при анализе северо-восточного летописания. Так, во время правления в Киеве Рюрика Ростиславича возник свод 1200 г. В 80-х гг. XII в. киевская летопись была отредактирована и дополнена в Печерском монастыре. Неоднократно отмечалось, что в Ипатьевской летописи имеется комплекс черниговских известий. Этот памятник не

содержит и политических выпадов против династии Ольговичей, которые мы находим в ЛЛ. По предположению Ю.А. Лимонова, великокняжеская летопись подверглась переделке при Святославе Всеволодовиче (1180-1194 гг.), ибо он был единственным киевским князем из черниговской династии во второй половине XII в.⁹

Как заключил ученый, владимирское летописание XII в. сохранило несколько редакций киевской великокняжеской летописи. Так, в Лаврентьевской летописи под 1175 г. читаем о начале княжения в Смоленске Ростислава Мстиславича, под 1186 г. - о походе Давыда Смоленского на Полоцк, наконец, под 1180 г. находим сообщение о смерти Мстислава Ростиславича. В представлении Ю.А. Лимонова эти известия относятся к личному летописцу Рюрика Ростиславича, использованному в Киевском своде 1200 г. Однако в статьях ЛЛ за 40-50-е гг. XII в. действия Ростислава Смоленского оцениваются враждебно.

О существовании киевского источника ЛЛ, по мнению Ю.А. Лимонова, свидетельствуют следующие особенности памятника. Во-первых, в летописи наблюдается неоднократное дублирование текста. Уже отмеченное описание похода "Михалки" на половцев приводится дважды: известие 1169 г. - "перяславское", а 1171 г. - "киевское". Сообщение о начале правления в Киеве Глеба Юрьевича также читается в двух статьях. Владимирский книжник использовал два южных источника, близких по происхождению - летописец Переяславля Южного и киевскую великокняжескую летопись, доведенную, по допущению ученого, до 70-х гг. XII в.¹⁰

Таким образом, ЛЛ за XII в. содержит сообщения трех "южных" источников. Из более позднего памятника владимирский книжник почерпнул известия, посвященные дому Рюрика Ростиславича. Сообщения другого источника - летописца Переяславля Южного - привлекались в конце 80-х гг. XII в. Однако этот памятник не был первым южнорусским источником владимирского летописания, оно заимствовало статьи из киевской великокняжеской летописи еще в середине 1170-х гг.

Первый владимирский свод Ю.А. Лимонов датировал 1178 г. По его наблюдению, в статьях за 1176-1178 гг. "южных" известий нет, а под 1175 г. читаются сразу три таких сообщения. Первое из них - о начале правления в Смоленске Ростислава Мстиславича - восходит к личному летописцу Рюрика и не могло попасть на северо-восток ранее времени составления Киевского свода 1200 г.

Два других известия Ю.А. Лимонов не склонен относить к позднейшим. Они посвящены борьбе киевского князя Ярослава с черниговским Святославом. Параллельные известия находятся и в Ипатьевской летописи. Основа статьи, по мысли ученого, принадлежит киевскому летописцу, а ее начало - обширная "жалоба" обиженного Святослава - оказывается результатом переделки в "прочерниговском" духе. В ЛЛ нет самой этой "жалобы", ничего не говорится и о том, что виновником войны был Ярослав, хотя изложение остальных событий полностью повторено. Как думалось Ю.А. Лимонову, в ЛЛ в отличие от Ипатьевской сохранилось известие, которое не подверглось редактированию Святослава. Выходит, что последним сообщением киевской великокняжеской летописи являлось сообщение о событиях 1175 г., а значит, владимирский свод составлен не ранее этого времени.¹¹

В ЛЛ победа владимирцев и их ставленников Михаила и Всеволода в середине 1170-х гг. приписана

иконе Богородицы. Это ее "новое чудо". В более поздних статьях, как указывал Ю.А. Лимонов, ни о каких "чудесах" не говорится. "Текстологическая сверка сообщений 60-70-х гг." ЛЛ позволяет ему "утверждать, что редакция свода принадлежит одному и тому же летописцу, закончившему свой труд в 1178 г."¹² Подтверждение такой точки зрения историк находит в комплексе повторяющихся фрагментов. Например, при описании разгрома церкви в 1177 г. в Боголюбове сказано о том, что Андрей при жизни украсил ее "иконами и всяким узорчьем, златом и серебром и камнем драгим", а в "некрологе" князя от 1175 г. читаем: "...златом же и камнем драгим и женчюгом украси ю, иконами безценными и всякими узорчьями..."

Состав источников первого владимирского свода, как отмечал Ю.А. Лимонов, разнообразен. По мнению ученого, этот памятник сохранил следы т.н. Ростовского сборника. Именно оттуда переписана "Повесть временных лет"; об использовании того же источника свидетельствует и конкретная ссылка: владимирский сводчик прямо указывает на то, что его город основал "великий Володимер". Известие о строительстве Владимиром Мономахом города на р. Клязьме, по убеждению Ю.А. Лимонова, содержалось в "Ростовском сборнике".

Свод 1178 г. заимствовал и местные владимирские сочинения: проложную статью 1164 г., "Сказание о чудесах владимирской иконы Божией матери", а также записи, которые велись при церкви Святой Богородицы во Владимире.¹³ Кроме того, составитель свода использовал Летописец Андрея Боголюбского и киевскую великокняжескую летопись, доведенную до 1175 г.

Заключение Ю.А. Лимонова относительно политической направленности первого владимирского свода весьма оригинально. Оказывается, сводчик защищал и обосновывал права на земельные владения, дани и десятину крупнейшего "феодала" княжества - храма Святой Богородицы, стремился показать возросшее политическое значение "нового" города Владимира - нового центра корпорации "феодалов" в "Залесском" крае.¹⁴

Владими́ро-суздальское летописание в конце XII в. опять подверглось редактированию. Ю.А. Лимонов полагает, что переделка состоялась в 1189 г. Главный его аргумент в пользу этой даты - известие 1185 г. о поставлении епископа Луки. В данном сообщении о святителе говорится в настоящем времени, тогда как позднее он упомянут в прошедшем. Таким образом, запись в ЛЛ была сделана до 10 ноября 1189 г. Между тем летописец Переяславля Южного, один из источников второго владимирского свода, обрывается на 1187 г., а получение Всеволодом III титула "великий князь" падает на вторую половину 80-х гг. XII в.

Свод 1189 г., по мысли ученого, отразил важную политическую тенденцию, которая заключалась в полной поддержке князя Всеволода владимирскими "феодалами" в лице клира храма Святой Богородицы.

Таким образом, Ю.А. Лимонов, исследуя северо-восточное летописание, сделал немало новых выводов и наблюдений. Он включился в дискуссию вокруг нескольких спорных вопросов: о времени появления первых летописных заметок и начале систематической летописной работы в "Залесском" крае; о хронологии создания сводов, их источниках и политической направленности; происхождении записей о подвигах Андрея Боголюбского на юге Руси; об атрибуции летописцев первых северо-восточных властителей.

Ю.А. Лимонов относил начало систематического летописания на северо-востоке Руси к эпохе правле-

ния там Юрия Долгорукого. Еще М.Д. Приселков указывал на существование особого летописца этого князя, правда, не приведя убедительных доводов. Это попытался сделать Ю.А. Лимонов. По его мнению, ряд сообщений ЛЛ, в частности, рассказ о походе суздальских войск на юг в 1149 г., выказывает слишком сочувственное отношение к младшему сыну Мономаха. Юрий Долгорукий выступает главным героем повествования, а все изложение событий сконцентрировано вокруг него и пестрит деталями.

Ю.А. Лимонов был уверен и в существовании "Летописца Андрея Боголюбского". По мнению ученого, к этому памятнику восходят рассказы за 1149-1152 гг. о подвигах сына Юрия Долгорукого на юге Руси. Как полагал исследователь, сообщения ЛЛ о ратной доблести Андрея являются вставкой. Эти обильные подробностями записи отражают его взгляды на войну с Мстиславом. Ю.А. Лимонов заключил, что автором данных статей мог быть сам Андрей Юрьевич.

Подобно предшественникам Ю.А. Лимонов уделял повышенное внимание "южным" источникам северовосточной летописной традиции. Он первым отметил, что владимирское летописание сохранило несколько редакций киевской великокняжеской летописи.

Самый ранний владимирский свод ученых датировал 1178 г. По его мнению, в статьях за 60-70-е гг. XII в. обнаруживается стиль одного летописца. Налицо и ряд повторяющихся фрагментов. С точки зрения Ю.А. Лимонова, составитель свода находился под

влиянием клира Успенского собора. Отсюда и политическая направленность памятника - защита прав на земельные владения, дани и десятину главного храма Владимиро-Суздальского княжества.

Примечания

¹ Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси / Ю.А. Лимонов. Л., 1967. С. 20.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Там же. С. 84.

АЛЕКСЕЕВ Евгений Александрович, аспирант кафедры истории России.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.05.2006 г.
© Алексеев Е.А.

УДК 930.1

А.А. СОКИН

Омский государственный
технический университет

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XIII — XV ВВ.

Современная отечественная историография всеобщей истории, как и историческая наука в целом, переживает сложный период. Марксистская заданность исторических исследований сменяется плюрализмом в методах и подходах, в выборе объекта и предмета. На смену единой парадигме приходят новые, самые разнообразные, а порой и противоположные представления исторического процесса. Эти глубинные изменения, в первую очередь, отражаются на изучении всемирной истории. Естественно, что подобные трансформации накладывают свой отпечаток и на исследование такой темы, как морская торговля в Западной Европе в XIII — XV вв. Одной из важных тенденций в исследовании данной проблематики является переориентация историков с изучения политических и социально-экономических аспектов морской торговли на рассмотрение быта, повседневного уклада, наконец, ментальности различных слоев населения, причастных к морской торговле. В данной статье хотелось бы остановиться на анализе некоторых знаковых трудов ученых, символизирующих изменение проблемного поля современной отечественной историографии применительно к теме «Морская торговля в Западной Европе в XIII — XV вв.»

В первую очередь следует отметить коллективный труд «Город в средневековой цивилизации Западной Европы», в котором авторы затронули целый комплекс вопросов, посвященных повседневной жизни города и ценностям горожан. В третьем томе это-

го издания объектом исследования выступают и отношение горожан ко времени и механизмам его отсчитывающим¹, и самосознание горожан² и купеческой элиты³, и повседневная жизнь средневекового города в разных ее проявлениях⁴.